

ВЛИЯНИЕ ЛИЧНОЙ ВЕРЫ НА ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПСИХОТЕРАПЕВТА

Д.С. ДРОЗДОВ*,
ГБУ «Московская служба психологической помощи населению»
Москва, Россия,
dmi-drozdov@ya.ru

В статье изложены основные результаты исследования влияния личной веры на профессиональную деятельность психотерапевта. Материалом послужили интервью с православными психотерапевтами, проведенные в соответствии со специально разработанной процедурой. Делается вывод о наличии тенденций в практике православных психотерапевтов к одному из двух полюсов, различающихся степенью директивности, ролью психотерапевта, используемыми методами. Первый полюс — пастырское консультирование, второй — психотерапия в духовном измерении.

Ключевые слова: православная психотерапия, православный психотерапевт, православная антропология, психотерапевтический процесс.

В последние годы на территории России можно наблюдать активное развитие консультативной практики православных психологов. Многие принимают клиентов при храмах и монастырях, нередко получают на это благословение духовника и имеют диплом православного учебного заве-

Для цитаты:

Дроздов Д.С. Влияние личной веры на профессиональную деятельность психотерапевта // Консультативная психология и психотерапия. 2016. Т. 24. № 5. С. 135—150. doi:10.17759/cpp2016240508

* Дроздов Дмитрий Сергеевич, специалист I кат. ГБУ «Московская служба психологической помощи населению», Москва, Россия, e-mail: dmi-drozdov@ya.ru

дения. Однако на деле их работу сложно отнести к единой психотерапевтической практике со своими принципами, теорией, стандартами образования. Большинство профессионалов в этой области работают с людьми в меру собственного понимания специфики практики православной психотерапии, ориентируются на интуитивно сложившийся стиль.

Ф.Е. Василюк, подводя итог двадцатипятилетнего развития православной психологии, отмечает, что несмотря на впечатляющее количество научной литературы, специализированных курсов и факультетов, психологов-практиков «резвый внимательный взгляд улавливает зыбкость, неосновательность, какую-то подростковую нескладность, нецельность всего этого поля: общая тематика есть, а единой области знаний нет; практика разрастается все новыми побегам, да все вперемишку и контуров сада не видно; расширение налицо, а развития нет» [Василюк 2015, с. 58].

В той же статье ближайшей задачей развития православной психологии Ф.Е. Василюк называет ее конституирование, т.е. очерчивание внешних и внутренних границ, которое состоит в «самоопределении ее по отношению к смежным культурным областям и в дифференциации и упорядочивании внутреннего пространства» [Там же, с. 60]. Один из путей решения этой задачи по отношению к внутреннему пространству — изучение реальной практики верующих психологов с тем, чтобы увидеть ее сформировавшиеся черты, выявить общие закономерности и тенденции. Похожим путем идет М.С. Филоник в исследовании специфики клиентской проблематики, с которой встречается психолог, работающий с верующими клиентами [Филоник 2015]. Данная статья посвящена еще одному исследованию в этом направлении, но сфокусирована на том, как личная вера влияет на профессиональную деятельность психотерапевт

Предыстория исследования

В 2011 г. было проведено исследование представлений православных психотерапевтов¹ о специфике своей профессиональной деятельности

¹ Под *православной* психотерапией как в исследовании 2011 г., так и в исследовании, представленном в настоящей статье, понимается «профессиональная психотерапевтическая деятельность, имеющая свою специфику вследствие влияния, которое на нее оказывает православное вероисповедание специалиста, осуществляющего эту деятельность. Соответственно, *православный психотерапевт* определяется как человек, идентифицирующий себя в сфере религии как православный христианин, являющийся практикующим специалистом-психотерапевтом и отмечающий, что православное вероисповедание вносит определенный вклад в его профессиональную деятельность».

[Филоник, Дроздов 2011]. Процедура включала в себя интервью с православными психотерапевтами, в которых исследователь помогал респонденту сформулировать свои представления об антропологических основаниях своей практики, ее основных задачах, методах и специфике.

В процессе концептуализации эмпирического материала был выявлен «разрыв по горизонтали» — испытуемые разделились на две группы. Первые были склонны видеть человека (клиента) «как греховное существо, которое может быть “излечено” посредством принятия для себя религиозной картины мира и православной иерархии ценностей, а также через прямую помощь от Бога» [Там же, с. 154]. Но тогда нужен не психолог, а скорее миссионер, катехизатор, мудрый человек, который поможет влиться в церковную жизнь.

Точку зрения другой части респондентов можно выразить так: «Человек — это свободное существо, имеющее в самом себе духовную, целостную “частицу”, и задача православного психотерапевта помогать (или в каких-то случаях просто не мешать) клиенту найти в себе эту составляющую, которая поможет ему стать более осознанным, субъектным, целостным, поможет решить психологические проблемы и самостоятельно прийти к Богу» [Там же, с. 155]. Православные психотерапевты этого направления в своей работе используют весь арсенал светских психотерапевтических методов, следят за тем, чтобы не смешивать свою роль с ролями миссионера, катехизатора или священника, и в целом стараются в консультациях не навязывать клиенту тему религии. Часто также представители этой группы не называют себя напрямую православными психологами, чтобы не быть заложниками определенного ярлыка.

Несмотря на интересные результаты, одной из проблем, с которой мы столкнулись в этом первом исследовании, было то, что часто респонденты отвечали на вопросы, как бы описывая идеального православного психотерапевта. В процессе интервью было не до конца ясно, насколько сформулированные респондентами положения имеют отношение к их реальной работе. Таким образом родилась концепция второго этапа исследования — сфокусированного также на влиянии веры на деятельность православного психотерапевта, но дающего более объективную картину его практики.

Процедура исследования

Исследование проводилось под руководством М.С. Филоник. В нем принимали участие девять православных психотерапевтов, некоторые из которых были испытуемыми и на первом этапе. Основными критериями выборки испытуемых стали:

- наличие высшего психологического образования;

- наличие специализированного образования по психотерапии и психологическому консультированию;
- наличие психотерапевтической практики (не менее трех лет);
- представление о себе как о воцерковленном православном верующем и понимание, что вера оказывает определенное влияние на их психологическую практику.

Чтобы получить более объективный эмпирический материал, была разработана специальная процедура интервью. Ее первый этап заключался в том, что исследователь, с согласия клиента, присутствовал на очной психотерапевтической сессии и, останавливая консультацию один или два раза, брал у психотерапевта короткое интервью, в котором заострял внимание испытуемого на определенных моментах консультации, пытаясь выявить специфику православной психотерапии. Данные «стоп-кадры» помогали актуализировать рефлексивные способности терапевта в направлении предмета исследования.

Второй этап интервью начинался после окончания психотерапевтической сессии. Исследователь брал у терапевта неструктурированное интервью [Бусыгина 2013], длительностью 50—90 минут. Первоначальный вопрос интервью звучал следующим образом: «Влияет ли Ваша православная вера каким-либо образом на Ваши чувства, мысли, состояния или терапевтические интервенции по ходу данной сессии?» Далее интервьюер старался следовать рефлексии респондента, помогая последнему прояснять феномены проявления религиозной веры в пространстве психотерапевтического процесса.

После расшифровки диктофонных записей интервью начался анализ эмпирических данных. Для повышения надежности итоговых данных в процессе анализа принимали участие два исследователя, которые согласовывали полученные результаты. В целях сохранения конфиденциальности каждому респонденту был присвоен номер от 1 до 9. Для качественного анализа интервью использовался метод категоризации [Квале 2009]. На первом этапе из протоколов интервью были выделены части текста, имеющие отношение к предмету исследования, им были присвоены названия, ставшие подкатегориями. На втором этапе подкатегории были распределены по пяти категориям, которые были заданы заранее и соответствовали элементам в модели структуры психотерапевтической ситуации в православно-ориентированном подходе [Дроздов 2015]:

- **Клиент — Инобытие**² (антропологические предпосылки представлений о личности клиента);

² Напомним, что термин «Инобытие» заимствован нами у С.С. Хоружего для указания на связь данных структурных элементов с бытием Бога, иным по отношению к тварному бытию человека [Хоружий 2005].

- **Проблема — Инобытие** (богословские и аскетические представления терапевта о природе проблемы клиента);
- **Терапевт — Инобытие** (представления о личностных и профессиональных качествах психотерапевта в контексте религиозного мировоззрения);
- **Клиент — Инобытие — Терапевт** (представления об отношениях клиента и терапевта в православной психотерапии);
- **Терапевт — Инобытие — Проблема** (специфика психотерапевтических интервенций).

Опишем подробно содержание каждой категории.

Результаты исследования

Клиент — Инобытие. Проблема — Инобытие.

Специфика понимания личности клиента и его проблемы

В категории «Клиент — Инобытие» тексты протоколов интервью были распределены по следующим подкатегориям.

- **Свобода воли.** Часть респондентов отметили необходимость помнить о данной Богом человеку свободе воли и выбора как неотъемлемую черту своей практики. «Для меня очень важно соблюдать свободу клиента. Каким бы он ни был атеистом или безбожником, у него есть свобода выбора. Он имеет право такое. Ему Бог дал это право» [респондент 5]. «Это то, что, на мой взгляд, напрямую исходит из евангельского откровения о человеке. То, что человек призван свободно управлять своей жизнью, стать хозяином, в хорошем смысле слова. Как в притче о талантах. Есть тот, кто дал талант, а ты этим талантом управляешь так, как тебе хочется. Но в конечном итоге ты должен будешь предоставить отчет» [респондент 7].

- **Образ Божий.** Наибольшее количество респондентов среди всех остальных выделенных подкатегорий отметили Образ Божий как особую глубину человека, его связь с Богом, источник ресурсов для решения в том числе психологических проблем и самосовершенствования. «Бывает сложно с клиентами, которые жестко реалистичные или инфантильные. Но есть вера в клиента. Вера, что человек может больше, чем он сам о себе думает. С ним может происходить что-то большее или лучшее, чем он сам может представить. Это про Образ Божий, про свет, который не виден, но он есть. Это сокровище, о котором он не знает. Человек может не видеть, может не верить, но оно есть. Это больше чем сознается, рефлексивируется. Иногда удается прикоснуться к светлой глубине в человеке, а иногда нет» [респондент 3].

- **Предназначение мужчины и женщины.** Один респондент особо отметил, что ему очень важно для обсуждения с клиентами семейного контекста

ста и темы любовных отношений знание о различиях между мужчиной и женщиной, по-разному созданных Богом и предназначенных к разным ролям в совместной жизни. «Христианское мировоззрение говорит о женском и мужском образе существования. То есть мы не просто разные физиологически — это два разных образа бытия. И вот сейчас это во многом размыто в сознании современного человека, и возникает большой соблазн сказать, что по-правильному — это так, как я делаю, а если ты делаешь не так, как я, то это неправильно... Важно, чтобы женщина видела отличия мужского и женского. И ей нужно избежать соблазна власти, контроля в супружеских отношениях, потому что это с духовной точки зрения скорее душевредно для женщины» [респондент 7].

В категории «Проблема — Инобытие» были выделены три категории:

- *Послание от Бога.* Была отмечена важность понимания проблемы клиента как особого послания от Бога: «Каждый симптом, с которым приходит человек, — это некоторое зашифрованное, закодированное божественное послание, некоторое волеизъявление Бога относительно человека, которое важно расшифровать и в соответствии с этим двигаться. Бог говорит с человеком на языке каких-то процессов, на языке проблем, на языке симптомов» [респондент 2].

- *Испытание от Бога.* Некоторые респонденты трактовали проблему клиента как особое испытание, данное Богом: «В случае с этим клиентом было ощущение, что для нее это важная жизненная задача, которую она должна пройти и выдержать. И она на это способна. Есть упование, что кризис ведет к лучшему.. Надежда всегда есть. Бывают ситуации безответные, потеря надежды. Но у меня есть знание, что надежда всегда есть. Совсем безвыходных ситуаций не бывает» [респондент 4].

- *Следствие замкнутости.* В качестве одного из важнейших аспектов проблемы была названа замкнутость человека на себе: «В жизни мы замыкаемся каждый в своей правде, обиде, и начинаются неврозы, болезни. А в Евангелии сказано: “Где двое и трое во Имя Мое. Там Я посреди них”. Не один, а двое или трое. Одному не положено человеку быть. Ева была создана из ребра Адама, чтобы он не был один. Робинзонады божий мир не знает» [респондент 9].

Выводы

Важно отметить, что в рамках элемента структуры психотерапевтической ситуации «Клиент» ни один из респондентов не упомянул о триаде дух-душа-тело и первородном грехе как о важных аспектах своего терапевтического процесса, в то время как в литературе по проблеме исследования эти темы занимают значимое место. То же можно сказать и о категории «Проблема»: в интервью не звучала тема греха, но были даны другие трактовки проблемы клиента в свете христианского мировоззрения. Это согласуется с выводами, сделанными по ито-

гам первого исследования, и «позволяет сделать предположение, что психотерапевты-практики в гораздо меньшей степени склонны к рефлексии над антропологическими, богословскими основаниями своей профессиональной деятельности, чем теоретики, разрабатывающие мировоззренческие основания православной психотерапии» [Фило-ник, Дроздов 2011, с. 145].

К подкатегории «Образ Божий» были отнесены взгляды четырех респондентов. Это одна из наиболее значимых тем в интервью. Понимание человека как Образа Божия для православных психотерапевтов является обоснованием особого внимания и бережности к клиенту.

Терапевт — Инобытие.

Личность психотерапевта в консультативном процессе

• *Запрет на катехизацию.* Почти все испытуемые отмечали, что в ходе консультации, когда тема клиента касалась так или иначе их религиозной веры, они испытывали определенную потребность высказаться, поговорить об этом с клиентом. «Я внутри себе говорю: “Нет! Бог есть любовь! Так не может быть!” То есть это протест или желание оспорить, вступить в теологический спор» [респондент 1]. «У меня внутри была попытка измерить, на каком уровне находится уныние клиента» [респондент 4]. «Когда клиент вначале сказал, что церковь для него — надежда на обновление, у меня возник такой азарт катехизации» [респондент 6]. И в то же время все респонденты особенно акцентировали внимание на том, что запрещали себе заниматься катехизацией. Причем в рамках данной категории подчеркиваются внутренний акт сдерживания себя и запрет на катехизацию как принцип профессионала. «Это же неправильно. Оно не должно таким образом проявляться. Так я себе говорю» [респондент 1]. «Самая большая опасность здесь — это насильно говорить об этом, насильно тащить человека в храм. Этого я категорически не делаю» [респондент 3]. «Это никак не проявилось в консультации. Я себя сдерживала. Я могу чувствовать, но никак не собираюсь об этом говорить» [респондент 3].

• *Молитва.* Двое респондентов говорили о личной молитве в процессе консультации или за ее пределами. «Есть моменты, например, когда идет подготовка к консультации. Это может быть и после консультации. И я за клиента в этот момент очень сильно переживаю: “Господи! Чего же мы творим! Может быть, я и сам не понимаю, что творю, но пошли ему разум! Я не знаю, как-то вот эту ситуацию увидеть и понять. То, что я ему сейчас не могу дать, Господи, дай ему!..” Еще был такой момент в консультации, когда я понимаю, что что-то произошло, что-то случилось. И не понимаю, что произошло. И тут я обращаюсь к Господу, к Божьей Силе какой-то. Как к некоторому успокоению... Обращение

буквально вот такое, как вопль: “Что ж творится такое! Ничего не понимаю!” Или: “Что же делать? Что происходит?”» [респондент 5]. «Я целенаправленно обращался к Сергию Радонежскому. И часть прошения была о себе, чтобы освободить себя от забот, от посторонних мыслей, от каких-то своих мотивов, чтобы была возможность максимально полно сконцентрироваться на клиенте» [респондент 6].

- *Духовная радость за клиента.* Двое испытуемых отмечали особую духовную радость за клиента в разные моменты консультации. «Клиентка в этот момент для меня по-особому открылась. Я радуюсь и молчу. Тут как будто мир с другой стороны открылся» [респондент 5]. «Я очень радовалась, что у клиентки этот процесс развернулся. И мне сложно оценить, кто во мне радуется больше, терапевт или христианин» [респондент 3]. При этом субъективное чувство исследователя говорит о том, что эта подкатегория могла бы прозвучать еще у нескольких терапевтов, однако специально они на этом не фиксировали внимание.

- *Симпатия к клиенту.* Один из респондентов отмечал особое расположение к клиенту, симпатию: «Не хочется громко говорить, что это любовь. Это симпатия. Какая-то теплота, забота. Это для меня внутренний знак, что я могу в себе его собрать, его смысл, молиться о нем, суммируя, интегрируя содержание его смыслового целого» [респондент 6]. Можно сказать, что симпатия — это выражение сердечности как качества личности православного психотерапевта [Шеховцева 2009].

- *Отсутствие чувства собственной важности.* Тема особого смирения в терапевтическом процессе как важного духовного качества прозвучала у ряда респондентов: «В целом у меня довольно безразличное отношение к тому, как я буду воспринят... Складывается диалог с человеком и ладно. А будет он меня особо уважать, это не важно. Конечно, мне хотелось бы, в этом есть определенная услада для профессионального самолюбия. Но вообще этим жить нельзя. В этом смысле я быть, каков есть... Бывает, появляются хамоватые клиенты или просто жесткие по своей манере общения, но я особо не реагирую на это» [респондент 9].

Выводы

В рамках данного элемента структуры психотерапевтической ситуации в православной психотерапии рефлексивные отчеты испытуемых фиксируются на особых состояниях психотерапевта, связанных с религиозной верой. Обращает на себя внимание почти единодушное свидетельство испытуемых о серьезных ограничениях на катехизацию. Подкатегория «запрет на катехизацию» характеризует требование профессионалов к себе, как к специалистам, не допускать поспешного, неосторожного привнесения собственного религиозного опыта, знаний, символов, смыслов в пространство психотерапии.

Клиент — Инобытие — Терапевт.

Влияние личной веры терапевта на установление отношений с клиентом

- *Оценочная позиция терапевта.* Только один из респондентов обосновывал необходимость в некоторых случаях прямой оценки позиции клиента: «Я думаю, что если бы человек как результат работы со мной сделал бы свой выбор или сказал бы позицию, которая явно была бы, с моей точки зрения, ошибкой, грехом. Может быть, тема аборта или еще что-то. Я бы, наверное, как бы вышел из позиции терапевта, обозначив это: “Вы, да, имеете на это право, но могу сказать вам не как терапевт, а вот как человек, который имеет определенный опыт. Знаете, я думаю, я очень не согласен с вашим выбором. И думаю, что вы совершаете очень серьезную ошибку. Не могу доказать, не буду вас убеждать, но считаю своим долгом свое мнение до вас донести...” Мой долг как христианки в этом плане больше, важнее, чем все терапевтические ограничения» [респондент 7].

- *Совместная молитва.* Один респондент говорил об особом молитвенном состоянии, которое объединяло его с клиентом: «Я подумала сейчас про согласную молитву.. Есть такие темы у клиентки, в которых я чувствую, что мы могли бы вместе с ней молиться. В какие-то моменты консультации я думала, что вот сейчас что-то такое происходит, что мы могли бы вместе молитвенно держать. Хотя я побоялась это озвучить... Может быть, если бы был человек смелее меня, он бы сказал, что чувствовал Святого Духа. Я о таких вещах говорить остерегаюсь, но для меня внутри это измерение явно было. Как будто нас трое в этом процессе. Как будто можно было бы обращаться к Богу, вверх. Иногда даже хотелось иметь возможность явно молиться вместе с ней» [респондент 3]. В отличие от подкатегории «молитва» на полюсе психотерапевта в данном случае речь идет о совместной с клиентом обращенности к Богу.

- *Отделение катехизации от психотерапии.* Данная подкатегория является прямым следствием запрета на катехизацию у большинства испытуемых, о котором рассказывалось в рамках структурного элемента «Психотерапевт — Инобытие». В данном случае респонденты рассуждали об отделении своей роли от роли катехизатора или священника. «Я не катехизатор все-таки. И это неправильно было бы переучивать клиента. Мне кажется, что я не должна никакого духовного насилия совершать. Это было бы духовным насилием — сейчас ему промывать мозг. То есть пока бы не хотелось, чтобы это как идеология примешивалась» [респондент 1]. «Если я возьму какой-то тот образ и буду пытаться указывать на него, это не продвинет клиента в плане понимания внутреннего процесса» [респондент 2]. «Здесь я учусь разделять духовно-пасторский момент, душепопечение, и психологический, учусь разводить эти задачи.

Я думаю, что есть вопросы, которые нужно задавать священнику» [респондент 7].

• *Бережность к духовному процессу клиента.* Эта подкатегория описывает особое отношение заботы и бережности терапевта по отношению к клиенту в те моменты, когда терапевт интерпретирует состояние клиента как важное духовное состояние. «В этот момент изменилось качество моего присутствия. Это было предельное внимание. Как будто с клиенткой происходит что-то очень важное, и нужно присутствовать полно, максимально тонко пытаюсь понять, ничего не отпустить, просто быть рядом. То есть то, что процесс клиентки был связан с верой, усилило мое собственное переживание и качество присутствия. Как будто присутствуешь при Таинстве. Нужно бережность, аккуратность присутствия, чтобы не помешать этому. Как будто между нами происходит что-то такое, что очень легко спугнуть, как стрекозу с травинки. Это мое очень настороженное, бережное отношение. Совершается что-то важное, и ты свидетель этому. Я присутствую и поддерживаю это, как воздушный шарик кончиками пальцами» [респондент 3].

• *Равенство в отношениях.* Респонденты подчеркивали, что в процессе православной психотерапии перед Богом они с клиентом равны: «Я бы и для себя этого хотела, чтобы у меня было это состояние, эта способность принести проблему Богу и “держать” ее перед Богом. Поэтому я могу конгруэнтно желать этого клиентке. У меня это тоже не получается, и в этом смысле мы равны с ней. Не то, чтобы я с высоты своего религиозного опыта что-то вешала. Скорее я знаю, что тоже этого хотела бы для себя, и была бы рада, если бы это получилось у клиентки... Это было важное пространство встречи двух христиан, которые могут свободно говорить о своей вере» [респондент 3].

• *Прямая поддержка.* Один из испытуемых говорил о возможности в терапии открыто выражать поддержку клиенту, проявляя таким образом христианскую любовь и заботу: «Хотелось открыть, что я не сухарь здесь сижу, а действительно чувствую, сопереживаю. Хотелось пожалеть, сказать: “Ну потерпи, все будет нормально”. Когда клиенты унывают, можно поддерживать, подхваливать. То есть иногда можно открыто выразить свое христианское благорасположение: “Я вижу, что тебе сейчас тяжело”, — и т.д.» [респондент 4].

Выводы

Важно отметить преобладающую тенденцию к равенству в отношениях с клиентом. Терапевты в целом стремятся выполнять поддерживающую функцию, а не наставническую. В этом можно отметить явное отличие от результатов, полученных в предыдущем исследовании, где стремление к авторитарной позиции звучало гораздо чаще.

Терапевт — Инобытие — Проблема.

Методики и специфические интервенции психотерапевта в консультативном процессе

• *Библейская метафора.* Трое респондентов активно использовали в процессе консультации библейские истории и притчи. Однако в их объяснении своих терапевтических действий не было мотива воздействия на мировоззрение клиента. Скорее наоборот, было опасение, что на клиента может оказываться таким образом давление: «Конечно, авторитетность Церкви тут давит. Это, конечно, подавляющие образы, они своим авторитетом. Я бы не стала ими увлекаться» [респондент 1]. И уж если использовать библейские образы, то в таком мистическом смысле: «Я бы хотел, чтобы, когда речь заходит о евангельских событиях, менялась перспектива. Должен совершиться переворот, и все остальное становится средством и поводом, местом выговаривания евангельской правды. Поэтому тут принцип обратной перспективы и опытного укоренения в слове евангельском, которое сейчас есть главное происходящее здесь. Это примерно такой же принцип как на литургии. Литургия — не воспоминание о том, что когда-то где-то было, а опытная литургическая организация и собирание всех сил, святых вот здесь, на этой трапезе» [респондент 6].

• *Следование процессу клиента.* Ряд респондентов подчеркивали, что им важно поддерживать естественное движение психологического процесса у клиента. Однако их взгляды на процесс различались. Респондент 1 готов был следовать только духовному процессу клиента: «Я не видела, что там у клиента, но я могла присоединиться к этому. То есть я могу к этому процессу присоединиться и быть с ним солидарным, что он ищет эту истину, настоящую истину... Я прислушивалась к какому-то уровню напряжения, экзистенциального такого обострения в себе и клиенте. Как только появлялась какая-то такая легкость, какие-то легкие, как сказать, более легкие слова, тема начинала развиваться, так мне казалось, что это ловушка, это подмена, это какой-то проторенный путь». В то время как респондент 2 настаивал на доверии любым процессам: «У меня есть некоторое основание доверять процессам, которые идут в клиенте. Оно связано с тем, что все созидает Бог. И что зла и патологических процессов, как сущности, нету. Есть неправильное обращение с тем, что есть, направление своей собственной энергии, своей личности, не туда — ошибка, грех, промах. Но нет патологических процессов как чего-то вот такого отдельного, самостоятельного».

• *Стремление к целостности клиента.* Одна из частых тем в интервью — это те или иные терапевтические усилия, направленные на помощь клиенту стать целостным. «Верю, что с Богом как с личностью может встретиться только личность. Соответственно, клиент должен быть — и я

должна это знать — цельной личностью. А любое разделение на части или отделение от себя каких-то высокомерных, недостойных частей или слабых частей — это, мне кажется, тоже очередная ловушка сознания. Когда нет целостности, труднее встретиться с Богом. Для того чтобы человек встретился с Богом, нужна как в сказках — мертвая вода. Чтобы не осколки, не рваные куски души ползли, а кто-то должен вот собраться. Сначала нужно полить мертвой водой, а потом уже живой» [респондент 1]. «Я чувствую свою обязанность собирать все, не брезговать ничем, потому что христианство не брезгливо, не отвергает ничего. Целность — это ничего не игнорировать, это доверие тому, что все, что в таком концентрированном опыте со стороны клиента появится, все это он сам не может собрать, а я могу помочь собрать. И моя забота все это вместе собирать, не отворачиваться ни от чего» [респондент 6].

• *Приобщение клиента к божественной энергии.* Один из респондентов рассказал об особой технике, которую он применяет: «Я предлагал клиенту стать элементом божественной энергии, присвоить себе эту символическую проекцию. Я думаю, это возможно, потому что человек есть образ Божий. И в этом смысле это — некоторый внутренний канал коммуникации, доступа к божественным ресурсам... Это возможность прожить, прочувствовать опыт благодати, опыт божественной энергии, которая в человеке есть. Это можно, и это не кошунство... Техника заключается в том, что в большом количестве случаев, — когда есть какие-то глубинные и сильные энергии, которые сильнее самого человека, — я могу сказать: “Стань этой энергией!”» [респондент 2].

• *Намек клиенту на ошибку.* Ни один из респондентов не говорил о наставлениях как возможных терапевтических интервенциях. В то же время двое испытуемых говорили, что осторожно касаются тем, в которых, по их мнению клиент делает ошибку с точки зрения православной веры. Это не прямое указание, а завуалированное, по сути намек. «Я не могу оставить без внимания то, что принципиально важно для состояния клиента. Я как бы даю клиенту напоминание о том, в каком контексте он сам живет, чтобы к этому вернуться. Я хочу обернуть его, чтобы он сам задумался, что им движет. Но делаю это осторожно, поскольку я христианка не идеологическая, и психотерапевт-идеолог не нужен. Я не говорю: “Как вам не стыдно, опомнитесь!” Я просто обращаю внимание. Мы к этому вернемся дальше, если будет надо» [респондент 8].

• *Перевод проблемы в контекст отношений с Богом.* Один испытуемый рассказал об особом способе изменить контекст обсуждения проблемы: «В какой-то момент я сказала клиентке: “Можешь ли ты ‘держать’ эту тему перед Богом, в вертикальном измерении?” Сама директивно внесла это измерение. И этот безобидный вопрос сильно развернул работу, процесс стал глубоким. Клиентка углубилась в себя, стала другой, стала

говорить о том, о чем говорить трудно. Было ощущение неимоверной важности того, о чем она стала говорить, было ощущение большей продуктивности... Я очень в это верю, что можно проблемное поле не решать, а “держать” в предстоянии перед Богом. Это означает ничего не делать. Клиентка пыталась все время что-то делать. Хотелось, чтобы она замерла и ушла на дно своей боли, но это страшно — просто уйти на дно боли. Просто уйти на дно — это безнадежно. А держать боль перед Богом — это другой способ остановки, намного лучше» [респондент 3].

• *Конфронтация с обесцениванием религиозного опыта.* Один из респондентов отмечал, что в определенный момент консультации он был достаточно настойчив, указывая клиенту на ценность его подлинного религиозного опыта: «Мне было очень важно поддержать этот подлинный опыт, там, где она не по букве закона, не потому что так надо, не из знания, что так хорошо и это надо делать... Там, где она искренне делает, от сердца. И я противостояла клиентке в том, что она пыталась обесценить этот опыт» [респондент 3]. По словам испытуемого, такая терапевтическая активность напрямую следовала из убежденности, что человек — Образ Божий и у верующего христианина не может не быть подлинного духовного опыта.

Интерпретация результатов исследования

Как и в исследовании 2011 г., анализ материала позволил выделить среди всей совокупности подкатегорий две группы: в первой тенденция к большей авторитарности и директивности, во второй — к равенству с клиентом и процессуальности. В то же время особая процедура нынешнего исследования позволила углубиться в конкретные моменты психотерапевтического процесса и помогла понять, что однозначно отнести конкретных терапевтов к той или иной группе бывает сложно. Часто у одного специалиста встречаются смешанные взгляды, когда сочетаются подкатегории из обеих групп, а психотерапевтический процесс переходит от директивности к процессуальности в разные моменты. И все же почти во всех случаях можно выделить акценты, которые расставляет специалист в своей практике, сформулировать преобладающие тенденции. Тогда вслед за Т.П. Гавриловой можно говорить о двух полюсах, в континууме между которыми располагается православная психотерапия, — *настьрское консультирование* и *психотерапия в духовном измерении* [Гаврилова 2007].

К полюсу *настьрского консультирования*, которое как особая внутриверующая практика духовного руководства развивается на Западе с начала XX в. [Колпакова 2009], относятся такие подкатегории, как уверенность в разном «предназначении мужчины и женщины», возможность

«оценочной позиции терапевта», понимание проблемы клиента как «испытания от Бога», возможность специального «намёка клиенту на ошибку», целенаправленный «перевод проблемы в контекст отношений с Богом».

В целом процесс пастырского консультирования предполагает наличие у консультанта качественного религиозного образования, хорошего знания православной антропологии и аскетики. В процессе терапии консультант опирается на богословскую грамотность и собственный духовный опыт. Проблема клиента часто трактуется как особое испытание, посланное Богом. Консультант не боится в отношениях с клиентом элементов катехизации и наставничества в части объяснения православного мировоззрения, иерархии ценностей, богословской интерпретации проблемы. В терапевтическом процессе могут устанавливаться неравные отношения с клиентом, следующие за экспертной и просветительской ролью консультанта. Консультант ориентирует клиента на воцерковление, участие в Таинствах.

К полюсу **психотерапии в духовном измерении** относятся подкатегории «свобода воли» и «Образ Божий», как основные антропологические представления, на которые опирается терапевт в работе с клиентом. Также «запрет на катехизацию», «отделение катехизации от психотерапии», «равенство в отношениях» как принципы построения отношений с клиентом. «Следование процессу клиента» и «стремление к целостности клиента» как ориентиры в психотерапевтическом процессе.

В целом для процесса **психотерапии в духовном измерении** характерны понимание клиента как Образа Божия, уважение его свободы воли и выбора. В специалисте ценятся, прежде всего, эмпатия и способность с особой теплотой и симпатией относиться к клиенту. В рамках такого терапевтического процесса специалист очень осторожно относится к возможной катехизации клиента и, шире — к частому употреблению религиозного лексикона. Здесь важны иерархически равные, диалогичные отношения с клиентом, в которых может возникнуть тема отношения к Богу, но религиозное мировоззрение не будет навязываться. Специалисты этой группы, как правило, не берутся заранее интерпретировать проблему и судить о том, что необходимо клиенту. Подкатегория «стремление к целостности клиента» очень точно выражает высшую цель и ценность такого рода психотерапевтического процесса.

В конечном итоге лучше не навешивать на специалиста ярлык, однозначно приписав его к какой-либо из групп, а искать, к какому из полюсов скорее направляет терапевта его личная вера.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-06-10889 «Синергийно-феноменологический подход в консультативной психологии».

ЛИТЕРАТУРА

- Бусыгина Н.П. Методология качественных исследований в психологии: учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 2013. 304 с.
- Василюк Ф.Е. Христианская психология: «история» и «география». Статья 1. Опыт периодизации // Консультативная психология и психотерапия. 2015. № 5. С. 49—63.
- Гаврилова Т.П. Интеграция личности как цель психотерапевтической помощи верующим // Московский психотерапевтический журнал. 2007. № 3. С. 110—127.
- Дроздов Д.С. Структура психотерапевтической ситуации в православно-ориентированном подходе // Консультативная психология и психотерапия. 2015. № 5. С. 91—106.
- Квале С. Исследовательское интервью. 2-е изд. М.: Смысл, 2009. 301 с.
- Колпакова М.Ю. Пастырское консультирование и психотерапия // Труды по психологическому консультированию и психотерапии. 2009. № 2. С. 214—224.
- Филоник М.С. Психологический анализ феноменов искажений религиозного опыта // Консультативная психология и психотерапия. 2015. № 5. С. 107—122.
- Филоник М.С., Дроздов Д.С. Представления православных психотерапевтов о специфике своей профессиональной деятельности // Консультативная психология и психотерапия. 2011. № 3. С. 133—158.
- Хоруужий С.С. Человек: сущее, тройко размыкающее себя // Очерки синергийной антропологии. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы; Институт Синергийной Антропологии, 2005. С. 13—57.
- Шеховцова Л.Ф. Христианское мировоззрение как основа психологического консультирования и психотерапии. СПб.: Храм Воскресения Христова, 2009. 168 с.

INFLUENCE OF PERSONAL FAITH ON PSYCHOTHERAPIST'S PROFESSIONAL ACTIVITIES

D.S. DROZDOV*,
Moscow Service of Psychological Assistance to Population, Moscow, Russia,
dmi-drozdvov@ya.ru

The article presents the main results of the study of influence of personal faith on psychotherapist's professional activities. The empirical analysis is based on interviews with practicing Orthodox psychotherapists, conducted in accordance with a specially developed procedure. The author makes a conclusion about the presence of

For citation:

Drozdvov D.S. Influence of Personal Faith on Psychotherapist's Professional Activities. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]*, 2016. Vol. 24, no. 5, pp. 135—150. doi:10.17759/cpp2016240508 (In Russ., abstr. in Engl.).

* *Drozdvov Dmitriy Sergeevich*, the first rank's specialist of the "Moscow Service of Psychological Assistance to Population", Moscow, Russia, e-mail: dmi-drozdvov@ya.ru

trends in the practice of Orthodox therapists to one of the two poles, distinguished by the degree of directivity, the role of the therapist and their methods. The first pole — pastoral counseling, second — psychotherapy in a spiritual dimension.

Keywords: Orthodox psychotherapy, an Orthodox psychotherapist, Orthodox anthropology, the psychotherapeutic process

Acknowledgements

The research has been supported by a grant from the Russian Foundation for Humanities (grant № 15-06-10889 “Synergic-Phenomenological Approach in the Counseling Psychology”).

REFERENCES

- Busygina N.P.* Metodologiya kachestvennyh issledovaniy v psikhologii: [Methodology of the qualitative research in psychology] Ucheb. posobie. Moscow: INFRAAM, 2013. 304 p.
- Vasilyuk F.E.* Khristianskaya psikhologiya: “istoriya” i “geografiya”. Stat’ya 1. Opyt periodizatsii [Christian psychology in Russia: its “history” and “geography”. the second article: marking the field]. Konsul’tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]. 2015. no. 5. pp. 49—63.
- Gavrilova T.P.* Integratsiya lichnosti kak tsel’ psikhoterapevticheskoi pomoshchi veruyushchim [Person integration as an object of psychotherapeutic help for Christian clients]. Konsul’tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]. 2007. no.3. pp. 110-127.
- Drozдов D.S.* Struktura psikhoterapevticheskoi situatsii v pravoslavno-orientirovannom podkhode [Structure of a situation in the context of the Orthodox-oriented approach]. Konsul’tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]. 2015. no. 5. pp. 91—106.
- Kvale S.* Issledovatel’skoeinterv’yu. 2-e izd. Moscow: Publ. Smysl, 2009. 301 p.
- Kolpakova M.Yu.* Pastyrskoe konsul’tirovanie i psikhoterapiya. Trudy po psikhologicheskomu konsul’tirovaniyu i psikhoterapii. 2009. no. 2. pp. 214—224.
- Filonik M.S.* Psikhologicheskii analiz fenomenov iskazhenii religioznogo opyta [Psychological analysis of the phenomenon of religious experience distortion]. Konsul’tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]. 2015, no. 5. pp. 107—122.
- Filonik M.S., Drozdov D.S.* Predstavleniya pravoslavnykh psikhoterapevtov o spetsifike svoei professional’noi deyatel’nosti [Orthodox psychotherapist’ view on the specifics of their professional activities]. Konsul’tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]. 2011. no. 3. pp. 133—158.
- Khoruzhii S.S.* Chelovek: sushchee, troyako razmykayushchee sebya [Man as a being with the three ways of unclosing himself]. Ocherki sinergijnoj antropologii [Studies in synergic anthropology]. Moscow: Publ. Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy; Institut Sinergijnoj Antropologii, 2005. pp. 13—57.
- Shekhovtsova L.F.* Khristianskoe mirovozzrenie kak osnova psikhologicheskogo konsul’tirovaniya i psikhoterapii [Christian worldview as the basis of psychological counseling and psychotherapy]. St. Petersburg: Publ. Khram Voskreseniya Khristova, 2009. 168 p.